ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Общественных Наук Академии Наук СССР
458
54

Заслуги И. В. Ягича в изучении старославянского и русского языков.

Многосторонний талант И. В. Ягича охватывал всю славянскую филологию: нет такой области, куда бы он не сделал своего вклада. Но, несомненно, более всего он поработал по старославянскому и затем по русскому языкам. Им, особенно первому, посвящены его самые выдающиеся труды.

Понимая, что изучение старого языка не возможно без обстоятельного ознакомления с дошедшими до нас его памятниками, И. В. и обратил свое внимание на критически-научное издание древнейших памятников и в этом отношении он оставил славянскому языковедению капитальнейшие труды.

Уже в 1865 году он вместе с Рачким участвует в издании глаголицей знаменитого Ассеманова евангелия X—XI вв., принадлежащего Ватиканской библиотеке в Риме, в предисловии к которому помещает свое рассуждение об особенностях древнеславянского перевода евангельского текста. Затем исключительно на одного себя берет издание древнейшего славянского текста, сохраненного в глаголическом Зографском списке евангелия X—XI вв., выпущенного им в Берлине в 1879 г., под заглавием: Quattuor evangeliorum codex glagoliticus, olim Zographensis, nunc Petropolitanus. Издание сделано более распространенным в науке Кирилловским письмом с добавлением даже особого знака для глаголического i с треугольным основанием, взятого Ягичем из греческого курсива (ι). Евангельскому тексту предпослано введение на латинском языке. Еще раньше своего издания Ягич по рукописи исследует язык этого памятника и печатает в основанном им Archiv für slavische

Philologie (т. I и II) — Studien über das altslovenischglagolitische Zographos-Evangelium, где рассматривает главным образом судьбу звуков ъ и ь в этом памятнике. На средства нашей Академии Наук в 1883 г. он выпускает в свет также кириллицей известное евангелие X—XI вв., вывезенное В. Григоровичем с Афона из монастыря Марии богородицы. Издание это во многих отношениях замечательное. Текст напечатан строка в строку, знак в знак. К изданию приложен палеографический обзор памятника и подробный очерк языка; здесь издатель делает даже специальные экскурсы по разным грамматическим вопросам, напр., об образовании и происхождении старославянского имперфекта и т. п.; под текстом указываются варианты из других памятников того же времени, наконец, дается подробный словоуказатель, послуживший образцом для словарей, обыкновенно прилагаемых в настоящее время к лучшим изданиям подобного рода. Из кирилловских памятников Ягичем всесторонне исследовано Добромирово евангелие XII в. в труде — Evangelium Dobromiri. Ein altmacedonisches Denkmal der Kirchenslavischen Sprache des XII Jahrhunderts (1898 г.). И здесь дан подробный грамматический и лексический анализ, разбор самого перевода и рассмотрено его отношение к кирилловским и глаголическим текстам. Из сравнения Ягич приходит к выводу о существовании редакций западно-македонской, к которой принадлежит и Добромирово евангелие, и восточно-болгарской, к которой принадлежал, напр., оригинал Остромирова евангелия. Под наблюдением Ягича в Вене издавался древнейший сербский памятник XII в., знаменитое Мирославово евангелие. Если бы не это фотомеханическое воспроизведение памятника, исполненное на средства сербского короля, наука лишилась бы его навсегда или по крайней мере на долгое время, так как оригинал его после убиения Александра Обреновича неизвестно куда исчез. Лишь один лист его, вывезенный еп. Порфирием, имеется в Российской Публичной Библиотеке. Не только евангельские тексты привлекали внимание Ягича; ему принадлежит и лучшее издание одного из самых бедных по внешнему виду, но зато — можно сказать — самого замечательного по языку и по древности памятника (X—XI вв.) — Киевских глаголических отрывков римского миссала, не совсем точно изданных И. Срезневским. В издании

Венской Академии Наук Denkschriften (т. 38) и отдельно Ягич дал не только исправный текст памятника, но и sumptibus propriis сделанные и воспроизведенные фототипически снимки со всего памятника. Издание снабжено ценными историко-филологическими и палеографическими примечаниями. К вопросу о родине Отрывков Ягич обращался и позже: Zur Provenienz der Kiever glagol. Blätter (Arch. XX), Nochmals die Kiever Blätter, где он настаивает на моравском происхождении этого памятника. Наконец, уже в начале настоящего столетия Ягич дает капитальнейшее издание Болонской псалтыри XII—XIII вв.: Psalterium Bononiense (Вена, 1907 г.); для него был отлит особый шрифт по рисунку Супрасльской рукописи XI в., приготовлено было много фототипических снимков и всяких других приложений. Толкованиям псалмов в этой псалтыри посвящена даже одна из последних работ покойного: Supplementum Psalterii Bononiensis. Incerti auctoris explanatio psalmorum graeca ad fidem codicum (Vindobonae, 1917).

Переводные церковно-славянские памятники возникали вместе с зарождением старославянского литературного языка. Вопросы о его родине, особенностях, изобретателях азбуки, первых переводах послужили материалом для позднейшей работы Ягича: Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache (Berlin, 1913). Здесь вопрос рассмотрен научно и, можно сказать, художественно тонко. Более подробная речь об этом будет в следующем докладе, равно как и о палеографических взглядах И. В., которые он высказывал неоднократно в разных изданиях памятников и в специальных работах: «Четыре критико-палеографические статьи» (СПб., 1884 г.); особенно подробно в издании Энциклопедии Славянской Филологии «Глаголическое письмо» (1911 г.).

Здесь мы скажем несколько слов о работах Ягича собственно по старославянскому языку. Изучение церковно-славянского языка, этого «санскрита» славянской филологии, по его мнению, является основой всего славянского языкознания не только в высшей, но и в средней школе: где глубже изучается этот древнейший представитель семьи славянских языков, там яснее и содержательнее представляется понимание явлений своего живого родного славянского языка, как литературного, так и народного. В отношении языка Ягич желал стоять на реальной почве:

действительные факты древнейшего представителя славянских языков он предпочитал всяким теоретически построенным образованиям, представляющим из себя гипотезы, легко уступающие место другим, подобным домыслам часто даже одного и того же ученого. Поэтому никого не должна удивить, напр., фраза, которою он начинает свои «Чтения о церковно-славянском языке» (1882 г. — печатное, но не выпущенное издание из Сборн. Отд. Русск. яз. и слов. Ак. Наук): «не только в историческое, но и в доисторические времена одного общеславянского языка не было, а были простонародные говоры, из которых потом возрастали наречия, из наречий же выделялись силою судеб исторических — языки книжные»[1]. О говорах в праславянском языке уже значительно позже заговорил Ф. Фортунатов, но до отрицания реального существования праязыков дошел лишь в последнее время Мейе. Такое рассуждение особенно интересно в устах Ягича, который в обозрении литературы по старославянскому языку с особенным вниманием останавливается на Formenlehre der kirchenslavischen Sprache Шлейхера (Бонн, 1852 г.), этого проповедника всяких праязыков, и работах И. Шмидта, А. Лескина, Ф. Миклошича, которые не только в изобилии вводили сравнительный элемент в свои исследования по старославянскому языку, но и обращались к построению праславянских и праиндоевропейских форм. Не стану характеризовать здесь не выпущенного печатного курса И. В. по старославянскому языку; не удобно было бы разбирать и его литографированные курсы, потому что они и не получили соответствующей обработки и, кроме того, не ответственны; но не могу не привести свидетельства одного ученика Ягича, известного теперь профессора-слависта — Б. М. Ляпунова — о характере изложения покойного учителя: «каждое фонетическое явление комментировалось целым рядом примеров из родственных языков несловянских. Здесь для меня открывался целый новый мир, и многие сближения, которые теперь кажутся элементарными фактами науки, тогда представлялись смелыми и непонятными»... (Ляпунов: Краткий очерк ученой деятельности акад. И. В. Ягича, Одесса, 1901 г., 16).

[1] О том, что «общеславянский язык» фикция, Ягич подробно рассуждает в XXII т., 1—38, Archiv'a.

В дальнейшем я остановлюсь лишь на некоторых работах И. В. Ягича по этому предмету, появившихся в печати, главным образом, в его Archiv'e f. sl. Philologie. Уже в своей диссертации «Das Leben der Wurzel *dê* in den slavischen Sprachen» (Agram, 1871) он обнаружил обширные познания по сравнительной грамматике индоевропейских и славянских языков и знание их лексического состава. Свой Archiv он открыл богатой по содержанию и ценной по выводам, а также замечательной по методу исследования работой, уже упомянутой нами раньше, Studien о языке Зографского Евангелия, где применен статистический метод в изучении употребления ъ и ь. Старославянского языка касаются и специальные работы Ягича, посвященные явлениям его, и те многочисленные рецензии на книги, имеющие отношение к этому предмету, и небольшие заметки, в таком изобилии разбросанные, можно сказать, по всем 37 томам Archiv'a, вышедшим под редакцией покойного. И в лингвистических статьях, касающихся других славянских языков, Ягич всегда привлекал к исследованию и данные старославянского языка. Приведем для примера несколько работ Ягича. Таков его экскурс в V и VI тт. Archiv'a «Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen, e, ê, ę in den slavischen Sprachen»; таковы его рецензии, напр., на сочинение Видемана — Beiträge zur altbulgarischen Conjugation (Arch. X), где, между прочим, продолжает рассматривать в некотором изменении освещения вопрос, разобранный им в приложении к изданию Мариинского евангелия о славянском imperfect'e. Рецензируя 2 издание Grundriss'a Бругмана (XX т. Arch.), Ягич останавливается на вопросе о слоговых r и l в праславянском. Он допускает эти звуки в известных случаях в старославянском языке, но для праславянского (теоретическая фикция) он допускает предложенную Фортунатовым формулу tъrt с r слоговым (ср. ib. Einige Streitfragen, 3), не без колебания признав современем равносильность в слоговом отношении и глухих и сонантов r и l (Arch. XXII, 262). Вообще вопрос о праславянской огласовке плавноглухих и плавночистых сочетаний долго занимал Ягича. Этого вопроса он уже касался при рассмотрении сочинения Иоганна Шмидта: Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus (I т. Arch.), когда он еще был приверженцем мнения о первоначальности старославянской огласовки ра-ла, рѣ-лѣ и

не находил возможности допустить гласные о и е перед слоговыми r и l, и в статье Einige Streitfragen (XX т.), где уже подходит к современному положению этого вопроса в науке. Вообще его Streitfragen представляют интереснейшие страницы в Archiv'e. В них Ягич или на основании новых данных, а также при другом освещении рассматривает разные трудные вопросы славянской филологии, или же вносит поправки и дополнения в свои прежние мнения. Таков, напр., № 7: Klassifikation des slavischen Verbums (XXVIII т.), где он пересматривает основы классификации славянских глаголов по инфинитиву (взгляды Добровского, Миклошича и др.) и по основе настоящего времени (напр., в Handbuch'e Лескина). Указывает практические удобства и недостатки каждой из систем и вносит свои поправки. Или № 8: Nochmals das slavische Imperfectum — здесь в третий раз рассматривается вопрос о старославянском имперфекте, при чем довольно убедительно доказывается его славянское происхождение из глагольной основы на ē и ā с присоединением imperfect'а глагола esmь-ехъ. Можно бы еще на очень многих наблюдениях и заметках Ягича остановиться. Несомненно, что они не только много нового привнесли в науку, но и вызвали интерес у читателя, заставив его передумать существующие теории. Касаясь более выдающихся работ Ягича по старославянскому языку, нельзя не упомянуть его издания «Рассуждения южно-славянской и русской старины о церковно-славянском языке» (1895 г.). Здесь собраны статьи старинных грамотеев, касающиеся происхождения старославянской письменности, азбуки, палеографических особенностей письма, грамматической терминологии. Для многих статей указаны источники, даны объяснения. Издание это в высшей степени полезно для историко-литературных исследований старинных памятников.

Ставши членом ОРЯС нашей Академии, И. В. Ягич вознамерился предаться интенсивной деятельности и по русскому языку, аналогично тому, что он сделал по старославянскому. Он представил в Отделение записку, предлагая взять на себя «полное издание древнейших памятников русской письменности». Ближайшим следствием этой записки было издание им огромного тома около 1000 страниц, содержащего новгородские минеи за 1095—1097 гг. Труд по внешнему виду и по внутрен-

нему достоинству капитальный. Он дал возможность многим ученым исследователям всесторонне ознакомиться с специфическими особенностями северно-великорусского наречия, уже в глубокой древности всплывающими наружу, а также расширить исследование этого вопроса, обратившись к изучению аналогичных памятников. По идее Ягича издание памятников было только подготовительной ступенью к лингвистическому изучению русского языка древнего периода: дальше и должно было последовать всестороннее грамматическое и лексическое рассмотрение их языка. Желая поставить и это дело на прочную почву, покойный академик предложил Отделению основать новую серию трудов «Исследования по русскому языку», давшую до сих пор уже несколько томов. В бытность Ягича в Петрограде, под его редакцией, здесь были напечатаны — в свое время образцовые по собранным материалам и методу исследования работы: М. Козловского о языке Остромирова евангелия, которая значительно осветила те данные, которые были собраны А. Востоковым и напечатаны при издании самого памятника еще в 1843 г., и А. Шахматова о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. с приложением текста этих памятников.

Ставши профессором истории русского языка в учебных заведениях Петрограда, И. В. серьезно занялся изучением старинных древне-русских произведений. Если судить по сохранившимся литографированным «Лекциям по исторической грамматике русского языка» (СПб., 1883—1884 гг.) и на них основанным «Критическим заметкам по истории русского языка» (СПб., 1889 г.), посвященным разбору «Лекций по истории русского языка» А. И. Соболевского, то окажется, что Ягичем внимательно изучены отчасти по рукописям, отчасти по изданиям почти все известные к тому времени памятники древне-русского языка, кончая XIV веком, а грамоты до XVI века включительно, при том не только великорусские, но и белорусские, малорусские, и даже молдавские, на которых также сказалось влияние старого западно-русского языка. Памятники рассматриваются по векам, и грамматические особенности каждого выписываются и объясняются отдельно. К надлежащему освещению их привлекаются параллели из других славянских языков и даже из литовского. Особенности рукописей духовнорелигиозных характери-

зуются отдельно от летописей. Грамоты группируются и разбираются по лингвистическим и отчасти политическим областям: новгородские, смоленские, полоцкие и витебские, литовские (западно-русские) и юго-западной Руси, московские и молдавские. Конец лекций посвящен XV—XVI вв. — Киприану, Пахомию Логофету и новым приемам в графике и языке. По свидетельству ученика Ягича — Б. М. Ляпунова, «как введение к истории русского языка, он делал иногда краткий очерк некоторых вопросов славянской древности, напр., приводя свидетельства древних писателей о расселении славян, касаясь вопроса о взаимных отношениях славянских наречий» и т. п. (все это есть и в названном раньше литографированном курсе). Как велось само преподавание, свидетельствует тот же ученик: ...«едва ли кто либо из профессоров, и не уступавших быть может Ягичу в научной силе и знаниях, мог в такой мере содействовать возбуждению в слушателях научных стремлений, в какой он, и причину этого я вижу в том, что в чисто научные вопросы, не имеющие никакого отношения к злобам дня, он умел вносить искру горячего увлечения, заражая им слушателей и учеников, но предоставляя при этом им полную свободу относиться критически к сказанному и не соглашаться с мнением учителя, преподающего живую развивающуюся науку, не возможную без постоянной критики» (Ляпунов, 24—25). Еще два слова о «Критических заметках» Ягича. Этот разбор представляет извлечение из его литографированных лекций и дает не только характеристику замечательных в свое время и не потерявших значения до сих пор лекций Соболевского, но и дополняет их множеством фактов, которые, как выяснилось из ответа Соболевского (Р. Ф. В. 1889 г., № 4), хотя и были в изобилии известны последнему, но по его методическим соображениям не были внесены в курс. В «Критических заметках» дается краткое обозрение попыток написать историю русского языка в предшествовавшее время, чтобы тем правильнее определить должное место труду Соболевского; очень удачно подчеркнуты достоинства и недостатки работ в этом роде И. Срезневского, П. Лавровского, М. Колосова; характеризуются и другие выдающиеся труды того времени по научному изучению русского языка: Даля, Потебни; не забыт даже спор Максимовича с Погодиным. Дополнены разными указа-

ниями приметы, характеризующие древне-русские изводы рукописей в зависимости от местностей, где они явились. Разные объяснения тех или других явлений русского языка у Соболевского Ягич старается либо упрочивать, либо подрывать своими соображеніями. С точки зрения ученой критики некоторые из этих соображений современем оказались неправильными и неприемлемыми, но многие и вошли в научный оборот, напр., в трудах Шахматова (переход конечного е в а в древне-русском и др.).

Давая характеристику работ Ягича по старославянскому и русскому языкам, нельзя не упомянуть об его очень ценных исследованиях по синтаксису. Интерес к последнему у него уже виден в очень ранних работах (Književnik, II, 1865, рецензии на синтаксис Миклошича и записки Потебни), но особенно ясно выразился его взгляд на этот предмет в Beiträge zur slav. Syntax. 1899 (Denkschriften), где он при рассмотрении синтаксических вопросов, согласно Потебне, предлагает исходить из предложения, придерживаясь строго формальной точки зрения.

Не решаюсь больше утомлять внимание почтивших наше заседание гостей. Отмечу лишь, что Ягичем так много сделано по славянской филологии и в том числе по старославянскому и русскому языкам, что его издания, ученые труды и высказанные положения еще долго и долго будут служить основанием всяких новых исследований и изысканий в этой области, являясь для последующих поколений образцами работ и по внешней форме и по существу.

Е. Карский.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР